

Исмаилова

Аматулла Сулеймановна

**Мугринский говор даргинского языка
(фонетические и морфологические особенности)**

Специальность 10.02.02 –

Языки народов Российской Федерации

(кавказские языки)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Махачкала – 2012

**Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования
«Дагестанский государственный университет»**

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор

Мусаев Магомед-Саид Мусаевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук

Темирбулатова Сапияханум Муртазалиевна
(ДНЦ г. Махачкала);

доктор филологических наук, профессор, гнс ИЯ РАН **Муталов Расул Османович** (г. Москва);

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет»

Защита состоится «10 февраля» 2012г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.053.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Дагестанском государственном университете по адресу: 367025, Республика Дагестан, г. Махачкала, Гаджиева, 37, ауд. № 42.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Дагестанского государственного университета.

Автореферат разослан и выставлен на сайте ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет» « » 2011г. Адрес сайта: www.dgu.ru

Автореферат размещен на сайте ВАК РФ «26 » октября 2011 г.

[Адрес сайта www.referat_vak@mon.gov.ru](http://www.referat_vak@mon.gov.ru)

Ученый секретарь
диссертационного совета

к.ф.н.доцент

У.У. Гасанова

Общая характеристика работы

Объектом исследования в реферируемой диссертации явились фонетические и морфологические особенности мугринского говора даргинского языка. Исследованию подвергаются вокализм и консонантизм мугринского говора, звукосоответствия говора и литературного языка; морфологические особенности существительного, прилагательного, числительного, местоимения, глагола и наречия говора в сравнении с литературным языком.

Предмет исследования – общая характеристика говора, его место в системе диалектных единиц даргинского языка, изучение фонетических и морфологических особенностей говора в сравнении с даргинским литературным языком и урахинским диалектом, к которому ученые относят его.

Актуальность темы обусловлена необходимостью подробного исследования фонетических и морфологических особенностей мугринского говора, который до настоящего времени не был объектом специального систематического и целостного монографического описания и изучения. Имеется также необходимость в уточнении статуса данного говора и определения его места в системе диалектных единиц даргинского языка. Исторически находясь на стыке 3-х районов (Акушинского, Дахадаевского и Сергокалинского) и ни с одним из 3-х диалектов (ушишинским, муиринским, урахинским) особо не контактируя, мугринский говор, по всей видимости, приобрел свои собственные особенности, которые могли бы быть надежным источником при воссоздании истории языка, истории материальной и духовной культуры этноса. Но, в связи с миграцией населения из горного аула в другие полидиалектные населенные пункты (в с. Мюрего и Н. Мугри) и города, говор подвергается заметной нивелировке. Следовательно, имеется настоятельная необходимость в сборе и научной обработке языкового материала говора.

Цели и задачи исследования. Основной целью настоящего исследования является выяснение фонетических и морфологических особенностей мугринского говора и их синхронное описание в сравнении с даргинским литературным языком, а в ряде случаев и с урахинским диалектом, к которому без какого-либо изучения относят говор ученые-даргиноведы. Опираясь на эти сравнения, предстоит установить статус рассматриваемой языковой единицы. На основе анализа фонетических и морфологических явлений мугринского говора делается попытка осветить отдельные вопросы даргинского языка, не получившие однозначного решения в научной литературе.

Достижение поставленной цели потребовало постановки и решения ряда конкретных задач:

- путем сравнительного анализа собранного материала выявить полную систему фонетических особенностей мугринского говора;
- путем изучения морфологического строя мугринского говора даргинского языка, выявить его специфику на фоне других диалектных единиц и даргинского литературного языка;
- на базе сравнительного анализа определить место мугринского говора в системе других ареальных единиц даргинского языка.

Методы исследования. Для достижения цели и решения поставленных задач использовалась комплексная методика. Наиболее соответствующим решению поставленных перед диссертационным исследованием задач был признан описательно-аналитический метод, предполагающий наблюдение, классификацию и анализ материала. Вместе с тем привлекался и сравнительно-сопоставительный метод, способствующий выявлению специфических различий, наблюдаемых при сравнении материала исследуемого говора с литературным даргинским языком, а иногда и с отдельными диалектными единицами даргинского языка.

Научная новизна исследования. Мугринский говор до настоящего времени оставался неизученным, имеется лишь упоминание о нем в двух работах: С.Н. Абдуллаев [1954] и С. М. Гасанова [1971]. Они причисляют мугринский говор к говорам урахинского диалекта, но анализ какого-либо языкового материала в этих трудах отсутствует.

На фонетическом и морфологическом уровне в даргиноведении наша работа впервые в монографическом плане дает анализ языковых явлений мугринского говора. В научный оборот вводится значительный материал говора, который имеет существенное значение для выяснения истории даргинского языка, его диалектов. В работе впервые даются системное описание и квалификация мугринской речи, рассматривается фонемная система, описываются типичные для говора звуковые процессы, выявляются звукосоответствия. Впервые подвергались лингвистическому анализу морфологические особенности говора, в результате чего выделен ряд словоизменительных морфем и выявлены специфические особенности знаменательных частей речи. В лексике также отмечаются отличительные особенности данного говора.

Внесена ясность в определение места мугринского говора в системе многочисленных диалектных единиц даргинского языка. В научной литературе, исходя из географического положения населенного пункта, говорящего на мугринском говоре, эта ареальная единица была причислена к урахинскому диалекту (до 70-х годов с. Мугри находился в горах, недалеко от с. Урахи-Сергокалинского р-на). Но, изучив собранный материал, можно отметить, что говор стоит намного ближе к диалектам акушинского типа, чем урахинского.

Научную основу исследовательской работы составили труды лингвистов по русскому и кавказским языкам, связанные с проблемами изучения диалектов. При изложении вопросов мугринского говора мы исходили из теоретических положений, выдвинутых в трудах дагестановедов: Услара П.К., Жиркова Л.И., Бокарева Е.А., Микаилова Ш.И., Абдуллаева С.Н., Гаприндашвили Ш.Г., Абдуллаева З.Г., Хайдакова С.М., Мусаева М.-С.М., Га-

сановой С.М., Ибрагимова Г.Х., Исаева М.-Ш.А., Темирбулатовой С.М., Муталова Р.О., Загирова В.М., Гасановой У.У., Сулейманова А.А. и др.

Теоретическая и практическая значимость работы выражается в том, что проведенное исследование способствует более глубокому и адекватному пониманию специфики фонетики и морфологии диалектных единиц даргинского языка, а обнаруженные особенности дают возможность, в определенной степени, уточнить классификацию диалектных единиц и проследить за процессом исторической диалектной дифференциации даргинского языка. Исследование данного характера также способствует более глубокому изучению эволюции фонетической и морфологической систем даргинского языка, его лексического богатства.

Результаты диссертационного исследования и его материалы могут быть использованы при составлении исторической грамматики даргинского языка, а также его диалектологического и этимологического словарей. Кроме того, результаты данного исследования окажутся полезными для разработки курса «Диалектология даргинского языка», изучаемого в вузах Дагестана.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Фонетическая система мугринского говора имеет ряд особенностей, отличающих его от литературного даргинского языка: система консонантизма мугринского говора имеет в наличии звонкие аффрикаты, активно функционирующие лабиализованные согласные, система вокализма содержит долгие гласные **ā, ū, ŷ, ē, ə̄, ǒ**.

2. Между лексемами мугринского говора и литературного языка отмечены процессы ассимиляции, выпадения звуков, определенное соответствие гласных и согласных, которые выделяют исследуемый говор среди других локальных единиц.

3. Морфология мугринского говора располагает полным набором лексико-грамматических и грамматических категорий, в реализации которых наблюдаются некоторые отличия от литературного языка, да и от урахинского диалекта тоже.

4. Говор, являясь самостоятельной ареальной единицей, тяготеет к акушинскому типу диалектов.

Апробация и публикации. Результаты исследования обсуждались на заседании кафедры дагестанских языков ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет». Основные положения и выводы диссертации в качестве научных сообщений излагались в докладах на научных конференциях и в публикациях. Одна статья опубликована в журнале, рекомендованном ВАК РФ. Кроме того, автором была издана программа по даргинскому языку для начальных классов городских школ объемом 4,7 п.л. (2009); пособие для учителей даргинского языка «Методика словарной работы и развития речи на уроках даргинского языка» объемом 11 п.л. (2010), тесты для 2 – 4 классов объемом 8,9 п. л. (2010) и т.д.

Основное содержание работы получило освещение в более чем 15 публикациях автора.

Структура и объём диссертации. Композиционно работа построена согласно общим требованиям к оформлению диссертационных исследований. Строго соблюдена последовательность подачи материала. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной научной литературы и приложения. Объем исследования составляет 183 страниц набранного на компьютере текста.

Основное содержание диссертации.

Во **введении** обосновывается выбор и актуальность темы, рассматривается степень её разработанности, определяются цель, задачи и методология исследования, формулируются научная новизна и тезисы, выносимые на защиту, определяется научно-практическая значимость проведенного исследо-

вания. Здесь же даются этнокультурные и историко-социальные сведения о селении Мугри, краткий обзор специальной литературы по теме исследования, который характеризует состояние изученности диалектов даргинского языка.

В первой главе «**Фонетические особенности мугринского говора даргинского языка**» дается научно-лингвистический анализ фонетической системы мугринского говора даргинского языка. Определен и подробно описан звуковой состав исследуемого говора. Выявлены специфические особенности, отмечаемые как в составе гласных, так и в согласных. Исследованы свойственные говору сочетаемостные и позиционные особенности звуков, также своеобразные фонетические процессы, происходящие на современном этапе развития языка при словообразовании и словоизменении.

1.1. Система вокализма. Система гласных мугринского говора обладает определенными характерными чертами в количественном и качественном отношении по сравнению с литературным языком и другими диалектными единицами даргинского языка. В системе гласных говора и в их функционировании наблюдается ряд характерных особенностей: в говоре, как и в литературном языке и в ряде других диалектов, представлено 5 простых гласных **а, е (э), и, у, э (я)** и 6 долгих гласных: **ā, ē, ū, ŷ, ō, ə̄**.

По мнению З.Г.Абдуллаева, в урахинском диалекте представлено 5 долгих гласных: **ā, ū, ē, ō, ə̄**. Он дает им подробные дистрибутивные характеристики, иллюстрирует примерами. По основным параметрам данные гласные урахинского диалекта и мугринского говора совпадают, но не всегда. Кроме определенных отличий в функционировании их в диалекте, в мугринском говоре обнаружен ещё один долгий гласный **ŷ**, который отсутствует в урахинском.

В мугринском говоре долгий гласный **ā** дает: **а)** сочетание двух простых гласных (**а+а**) на стыке слов – *балкIа ахIин* «не кривой» → *балкIāхIин*. Но такое слияние двух гласных звуков не является всеобъемлющим дистрибу-

тивным свойством функционирования долгого гласного **ā**. Например, при сочетании таких слов, как *унзаабхъес* «открыть двери», *царкаассес* «купить палас», не наблюдается долгий гласный, по всей видимости, в силу закрытости слога второго слова в сочетании;б) возмещение при выпадении комплексов -лл-, -нл-, -лил-, -лал- в генитиве – *тlал* «столб» → *тlалла* → *тlā*, *шали* «бок» → *шалила* → *шā* и т.д. Но, в отличие от урахинского диалекта, в мугринском говоре, как и в литературном языке, обычная форма генитива сохраняется в словах на исходный гласный **а**. Ср.: *къаркъā* (урах.д.) – *къаркъала* (мугр.г., лит.яз.); *хlākā* (урах.д.) – *хlākала* (мугр.г., лит.яз.) «шубы»;в) странственные превербы направления: *āсес*(←а+асес) «что-то поднять снизу», *кāсес* ← ка+асес «что-то взять сверху»;г) сочетание «согласный + а» на стыке морфем вопросительных слов: *бакlибāра?* «пришли ли?» ← бакlиб вара? и т.д.

Дистрибутивные свойства образования и функционирования долгого гласного **ē**, в принципе, те же, что у долгого гласного **ā**: сочетание двух простых гласных на стыке слов(**и + а**, **е + а**: *урчēбикъес* «вырастить коня» ← *урчиабикъес*, *вакlилēхlин* «не пришел» ← *вакlилеахlин*), наличие в предложении вопросительного слова, категориальный суффикс генитива с выпадением звука или звукового комплекса на стыке падежных морфем и т.д. Как и другие долгие гласные, функционирует только в открытом слоге. Нодистрибуция долгого **ē** как релевантного форманта генитива ед.ч. в мугринском говоре представлена сравнительно узко, т.е. у огромного количества слов с исходным **и** аффикс генитива **-ла** сохраняется. Ср.: *рурсē* (урах.д.) – *рурсила* (мугр.г., лит.яз.). Функционирует **ē** в говоре только в словах с исходом на **-ин**, **-ил**, **-ел**, **-ила**, **-ели**, **-ела**: *шин* – *шēгаджин* «кувшин воды», *тlанил* – *тlанē* дуб «конец веревки» и т.д.

Дистрибутивные свойства образования и функционирования долгого гласного **ū** почти те же, что у долгих гласных **ā** или **ē**: он встречается только в открытом слоге. Объем таких слов ограничен. Данный звук образуется при

слиянии слов на исходный **и** с анлаутными **иа** или **и**: *лих1ӣдзуле* «ухо болит» ← *лих1ӣидзуле*, *анк1ӣх1ин* «не пшеница» ← *анк1иах1ин*; при образовании форм деепричастий от глаголов на **-иб** (*кьянбиб* «опоздали»): *кьянбӣле* «опоздав» ← *кьянбиб* + *ле* (в глаголах на **-иб** в свое время произошло упрощение, т.е. выпал звук **у**, ср. с лит.яз.: *кьянбиуб*).

Долгий гласный звук **ĩ** отсутствует в урахинском диалекте, но обнаружен в небольшом количестве слов мугринского говора. Данный звук функционирует на стыке двух слившихся между собой слов, где первое слово имеет исходный **у**, а второе начинается с гласного: *зулмũх1ину?* «не насиле ли?» ← *зулму ах1ину? г1а'мрũгвар* «жизни не имеющий» ← *г1а'мруагворил*. Он также функционирует в некоторых формах глагола *вес* «быть»: *дак1или дēдилли*(урах.д.) – *рак1иле рũде*(мугр.г.) – *рак1или риадри*(акуш.д.) «пришла бы».

По мнению Абдуллаева З.Г., в диалектах даргинского языка простой гласный **о** и долгий гласный **õ** функционируют только в позиции после лабиализованных согласных. Подтверждением тому может послужить и анализ вокализма мугринского говора. Долгий гласный **õ** в мугринском говоре представлен, по нашему мнению, в формах глаголов будущего времени условного наклонения – *биссвõле* «если будут плакать» (лит.– *бисалли*). В некоторых глаголах говора слияние гласных **у** (в роли пространственного аффикса со значением направления «вниз») и **а** (в той же роли, но со значением направления «вверх») дают также долгий гласный **õ**: *õбес* «подшить» ← *ъу* + *абес* (*ъу* + *ъабирбес*), *õбуцес* «подставить» ← *ъу* + *ъабуцес*.

Долгий звук **э̄** в мугринском говоре функционирует: **а)** в форманте генитива слов, на исходе которых имеются звуки **-л** (**-ли**, **-ла**) или **-эн**: *кьвал* «корова» – *кьвэ*; **б)** на стыке слов: *шинахъэс* «набрать воды из колодца, родника» ← *шинъэхъэс*; **в)** в сочетаниях с частицей «гьат1и»: *укьэти* «в таком случае иди» ← *укьэ гьат1и*.

1.2. Звукосоответствия в системе гласных мугринского говора и даргинского литературного языка. Сравнение слов мугринского говора и литературного языка с точки зрения их огласовки показывает, что между ними существуют соотносительные соответствия гласных звуков. Они составляют следующие пары звуков: **а)** звукосоответствия **е/и – а**, встречающиеся в инлауте и ауслауте ряда существительных, наречий, местоимений: *адим* «человек» (лит.– *адам*), *къади* «ущелье» (лит.– *къада*), *мякъли* «рядом, близко» (лит.– *мякъла*), *член* «корзина» (лит.– *члан*), *хлуше* «вы» (лит.– *хлуша*); **б)** звукосоответствия **е – и**, встречающиеся как в корневых и категориальных морфемах существительных, местоимений, прилагательных, наречий: *гъеш* «этот» (лит.– *ил*), *гъелгъуна* «такой, как тот» (лит.– *илгъуна*), *гъей-хахла* «туда» (лит.– *иха*), *нусегI* «сыр» (лит.– *нуси*), *кеса* «карман» (лит.– *киса*); *низбе* «крапива» (лит.– *низби*), *буцле* «волки» (лит.– *буцли*), *дуцIарте* «горячие» (лит.– *дуцIарти*), *буссанте* «спящие» (лит.– *бусути*); *хъуке* «на огород» (лит.– *хъучи*), *дике* «на меня» (лит.– *набчи*), так и в аффиксах, образующих деепричастия, наречия и форму повелительного наклонения некоторых глаголов: *вакIиле* «придя» (лит.– *вакIили*), *хIериле* «днем» (лит.– *хIерели*), *вакле* «приходи» (лит.– *вакли*); **в)** звукосоответствия **и/а – у/е**, встречающиеся в инлауте и ауслауте ряда существительных и нескольких числительных: *сикIал* «предмет, вещь» (лит.– *секIал*), *лихIцли* «ножницы» (лит.– *лухIцли*), *бархли* «солнце» (лит.– *берхли*), *верхIал* «7» (лит.– *верхIел*), *гахIал* «8» (лит.– *гехIел*); **г)** звукосоответствия **э/е/а' – и/э**, встречающиеся в начале, внутри и на исходе ряда существительных: *нахъэ* «овес» (лит.– *нихъэ*), *хве* «собака» (лит.– *хэ*), *да'хла'* «снег» (лит.– *дахли*) и т.д.

В аффиксах инфинитива, в основах отдельных имен существительных, числительных, глаголов и других частей речи, в отличие от урахинского диалекта, гласный **е (э)** совпадает с литературным: *шибаис* (урах.д.) – *кибаэс* (мугр. г.) – *чебаэс* (лит.яз.) «увидеть», *битхъис* (урах.д.) – *бедгес* (мугр. г.) – *бедес* (лит.яз.) «отдать», *бахI* (урах.д.) – *бехI* (мугр.г., лит. яз.) «край»,

бик1(урах.д.) – бек1(мугр. г., лит.яз.) «голова», либдиш(урах.д.) – лебдеш(мугр. г., лит.яз.) «все, что есть, богатство», си? (урах.д.) – се?(мугр. г., лит.яз.) «что?», уригал(урах.д.) – урегал(мугр. г., лит.яз.) «б».

По сравнению с литературным языком инициальный надгортанниковый г1 в мугринском говоре подвергается выпадению (или он исторически не восстановился) перед гласными переднего ряда э (е) и и: *эргъа* «вслед» (лит.– *г1ергъи*), *эбини* «осень» (лит.– *г1ебини*), *инидз* «родник» (лит.– г1иниз), *иникъ* «пещера» (лит.– г1иникъ) и т.д.

1.3. Система консонантизма. Система консонантизма мугринского говора даргинского языка не имеет существенных различий, резко противопоставляющих этот говор литературному языку, кроме наличия лабиализованных согласных. Как в литературном языке и во многих диалектах и говорах даргинского языка, в мугринском говоре широко представлены смычные, спиранты, аффрикаты и сонанты. Наличие звонких аффрикат *дз, дж, къ* в мугринском говоре не подлежит сомнению. Они, как и в литературном языке, функционируют в разных позициях и дистрибуциях: *дзе* «соль», *бадз* «месяц», *дзандзи* «колючка», *джал* «спор», *рахадж* «цепь» и т.д. Мугринские консонанты могут быть противопоставлены по звонкости и глухости, по абруптивности и неабруптивности, но отсутствует противопоставление по твердости и мягкости.

В мугринском говоре лабиализации подвергаются почти все звуки даргинского алфавита (**бв, гв, г'в, гъв, гъв, г1в, дв, джв, зв, дзв, кв, къв, къв, к1в, лв, нв, мв, пв, рв, св, тв, т1в, хв, хъв, хъв, х1в, цв, ц1в, чв, ч1в, шв, ъв** – всего 32 фонемы): *гъве* «семена», *гъг1* «запах», *гъвабза* «храбрец», *къвал* «корова», *балволе* «если знает», *бурволе* «если рассказывает», *квони* (живот), *гамво* «пальца ноги». Здесь также представлен лабиальный смычно-взрывной звонкий согласный **б1**. Артикуляционно он близок к русскому спиранту **б**. В научной литературе считается, что такого звука в даргинском языке нет. Мы же не можем согласиться с этим, так как в мугринском говоре даргинского

языка этот звук представлен более чем в десятке слов: *бав* «мышеловка», *дуббат* «завтрак», *базбизур* «тесто поднялось», *ц1убби* «треножник».

Известно, что в некоторых даргинских диалектах и родственных дагестанских языках количество согласных фонем доходит до 72. Вместе с лабиализованными фонемами в исследуемом говоре их тоже около 71 (сюда мы прибавили ещё один звук, который встречается в одном единственном слове говора *x1г1ук1* «картошка»).

1.4. Звукосоответствия согласных мугринского говора и даргинского литературного языка. Сравнение слов мугринского говора с литературным языком с точки зрения их огласовки выявило существование соотносительных соответствий согласных звуков, носящих как закономерный, так и спонтанный характер.

Характерным звуковым соответствием является соответствие заднеязычного глухого смычного «к» говора дорсальной аффрикате «ч» литературного языка. Оно имеет место в следующих случаях: **а)** в аффиксах предметного, инструментального и всех местных падежей имен существительных, местоимений и наречий как результат аффрикатизации заднеязычного *к* перед гласными *и, е*: *удзикелла* «о брате» (лит.– *узичила*), *удзикебле* «из-за брата» (лит.– *узичибли*), *уталике* «на стул» (лит.– *уталичи*), *кьасиликеб* «на полке» (лит.– *кьасиличиб*), но *адачу* «к отцу»; **б)** в начале некоторых существительных, глагольных и наречных форм: *кибаура* «видел» (лит.– *чебаура*), *кйу* «его увидят» (лит.– *чейу*), *кёбихьес* «погрузить» (лит.– *чебихьес*), *кибла* «долг» (лит.– *чебла*), *кина* «куда» (лит.– *чина*); **в)** в основе нескольких существительных: *хьалк* «крыша» (лит.– *хьалч*), *х1янки* «работа» (лит.– *х1янчи*).

В говоре имеет место также звукосоответствия согласных **гье/и, гьей/и, гь/ч** в указательных и вопросительных местоимениях и образованных от них наречиях и прилагательных: **гье/и:** *гьет* «тот, кто в стороне» (лит.– *ит*), *гьеш* «этот, кто рядом» (лит.– *иш*); **гьей/и:** *гьейтини* «им» (лит.– *итини*), *гьейтила* «его» (лит.– *итила*); **гь/ч:** *гьини?* «кто?» (лит.– *чили?*), *гьила?* «чей?»

(лит.– чила?), *гъис?* «кому?» (лит.– чис?), *гъичвол?* «с кем?» (лит.– чичил?) и т.д.

Другой характерной особенностью мугринского говора является соответствие лабиализованных звуков говора нелабиализованным согласным литературного языка. В мугринском говоре, как и в урахинском диалекте, лабиализация встречается очень рельефно и в самых разных позициях: в начале, в середине или на абсолютном конце слова. Перед гласными *э, и, а, е* в определенных условиях лабиализации подвергаются почти все согласные звуки говора: *гваза* «кобыла» (лит.– газа), *гъвали* «строчка» (лит.– къэй), *гъве* «семена» (лит.– гье), *лиг1ви* «число» (лит.– луг1и), *квани* «живот» (лит.– кани), *къвэна* «ворона» (лит.– къэна), *к1вел* «два» (*к1ел), *швал* «пять» (лит.– шел) и т.д.

Лабиализация наблюдается во всех частях речи, например, в формах инфинитива, сослагательного и повелительного наклонений глаголов –*ик1вес* «говорить» (лит.– ик1ес), *āк1валле* «если родится» (лит.– ак1алли), *ик1ве* «говори» (лит.– ик1ен), *игъва* «брось, кинь» (лит.– игъа); в аффиксах деепричастий, образованных от глаголов прошедшего времени с исходными аффиксами *-ун, -ур* –*бергвā* «съев (животным)» ← бергуа ← бергунле (лит.– берги). В данных формах согласные подверглись лабиализации в результате словоизменительных процессов. И лабиализация в них, по все видимости, носит вторичный характер.

К такой группе лабиализованных согласных можно отнести и согласные в некоторых формах существительных (ед. и мн. числа, генитива). Если в говоре имеются исходные формы существительных с лабиализацией в основе обоих чисел, которую, по-видимому, можно считать первичной (*къвяна* – *къвямме* «ворона – вороны» (лит.– къяна – къянби), *хъве* – *хъвеме* «клятва – клятвы» (лит.– хъя – хъями), то имеются и такие, в которых лабиализация возникает в формах лишь мн.ч. (*хъяни* – *хъвямме* «небольшие бревна» (лит.– хъяна – хъянби) или в формах лишь в ед.ч. (*хве* – *хуре* «собака – собаки» (лит.– хя – хури). В формах мн. числа последней группы произошла делабиа-

лизация перед гласным звуком у. В форме генитива так же лабиализуются исходные согласные перед долгим \bar{a} : $x1ули$ «глаз» → $x1улила$ → $x1уа$ → $x1в\bar{a}$ «глаза – р.п.» (лит.– $x1улила$), мурул «муж» → $мурулла$ → $муруа$ → $мурв\bar{a}$ «мужа – р.п.» (лит.– $мурулла$). Нужно отметить, что лабиализации подвергаются предпоследние согласные в форме генитива с исходным корневым гласным на у, а на месте упрощения сочетаний звуков **-унила, -улла -улила** возникает долгий гласный \bar{o} (для ср.: $mlal$ «столб» → $mlalla$ → $ml\bar{a}$ «столба»). Но если в результате словоизменения один из гласных **и, а, е** или **э** сменится на у или **а'** (здесь «а'» чуть широкий «а»), то согласный перед ним делабиализуется, например, в формах мн. ч.: $квони$ «живот» – $кумме$ «животы», $кв\bar{a}л$ «корова» – $к\bar{v}а'ле$ «коровы».

Но в исследуемом говоре, как в цудахарском диалекте, нет согласных, которые лабиализовались бы всегда. В отдельных словах говора согласные, видимо, делабиализовались, и ныне продолжается процесс делабиализации. Следы этого процесса, имевшего место в мугринском говоре, можно наблюдать в слове $в\bar{a}рц\bar{a}$ «узкий» (лит.– $г\bar{v}\bar{a}рц\bar{a}$) (видимо, когда-то данное слово произносилось $г\bar{v}в\bar{a}рц\bar{a}$).

В отличие и от урахинского и от акушинского диалектов, в мугринском говоре обнаружено небольшое количество слов с усиленными (или напряженными) согласными, выступающими как особые фонемы. Например: $у\acute{c}сес$ «спать» – $у\acute{c}ес$ «резать, т.е. делать мелкими картошку, тыкву», $\acute{a}сес$ «купить» – $\bar{a}сес$ «взять что-то», $г\bar{v}\acute{a}ннах\bar{a}$ «буквально: только что» – $г\bar{v}анах\bar{a}$ «теперь». В этих парах слов усиленные согласные играют смысловоразличительную роль. Но основная часть усиленных согласных в говоре, видимо, имеет происхождение эмоционального характера: $сик\bar{a}к\bar{a}лагу$ «ничего нет», $x\bar{a}д ид\bar{z}зала$ «тебе болезнь» (недоброе пожелание) и т.д. Так говорят мугринцы, когда хотят выразить свои какие-либо эмоции. Однако артикуляционная природа тех и других звуков абсолютно идентична. Характерной особенностью

данных фонем является то, что все они встречаются после еле заметного в мугринском говоре ударения.

Вышеизложенный материал по звукосоответствиям согласных мугринского говора и даргинского литературного языка позволяет сделать следующее заключение: фонетика мугринского говора имеет целый ряд особенностей, отличающих его от урахинского диалекта с одной стороны и даргинского литературного языка с другой стороны.

Фонетика исследуемого говора характеризуется также рядом звуковых процессов. Они носят, в основном, фоно-морфонологический характер. Среди них особое внимание привлекают процессы выпадения, замещения, ассимиляции согласных, упрощение и выпадение гласных. Многие из этих процессов аналогичны тем, что происходят в литературном языке. Но есть и некоторые различия, например, выпадение звуков, широко представленное в говоре при образовании именных форм эргатива и генитива: выпадают сочетания однородных согласных и звуковых комплексов **лл** (и, а), **нн** (и, а), **лил**, **лал**. При этом имеет место ряд своеобразных последствий: возникает долгота гласных, согласные подвергаются лабиализации, происходит модификация гласных, например, *mlyл* «палец» → *mlyлла* → *mlyа* → *mlyв̄*.

Вговоре в форме мн.ч. имеет место выпадение: **а)** исходного гласного слова в ед.ч. и детерминанта-у- (**-ур -ру**) перед аффиксами множественности **-бе, -не, -ме**: галги – галгбе (лит.– галгуби) «деревья», *xlyла* – *xlyлме* (лит.– *xlyлруми*) «колеса», *кьячла* – *кьячлне* (лит.– *кьячлуби*) «каблуки»; **б)** вибрантар и конечного **г1** или же обоих вместе перед формантами множественности отдельных слов: *да'рх1а'* – *да'х1не* (мугр.г.) – *дурх1э* – *дурх1ни* (лит.яз.) «мальчики», *нусег1* – *нусбе* (мугр.г.) – *нуси* – *нусби* (лит.яз.) «сыры», *г1'арг1'а* – *г1'анне* (мугр.г.) – *г1'эрг1э* – *г1'эрг1ни* (лит.яз.) «куры», **в)** гласных **у** и **и** в суффиксах глаголов прошедшего времени на **-уб, -иб**, т.е. сочетания гласных исходного основы и детерминантов **-иу** и **-аи** упрощаются и остается только один гласный – детерминант (**и** или **а**): *таманбиб* «закончилось –

таманбиуб (лит.), *кидаб* (кидаиб) «увидел» – чедаиб(лит.). Такой же процесс упрощения происходит и в основе глагола на исходный **-и** перед суффиксо-минфинитива **-эс**: *гъамес* «подойти» – лит.– *гъамиэс*, *х1ерес* «жить» – лит.– *х1ериэс*, **г**) выпадение звукосочетаний падежных аффиксов: *дубад* «по краю» – дубличибад(лит.), *къадад* «из ущелья» – къадалабад (лит.), *гьунад* «по дороге» – гьунчиб (лит.). В мугринском говоре широко представлена ассимиляция сонорных. При образовании **а**) форм мн. ч. от некоторых имен существительных звукосочетания **нр, нб** дают **мм, нн, алр – лл**: *хьунул* – *хьунне* «женщины» (лит.– *хьунри*); *къвэна* – *къвэмме* «вороны» (лит.– *къэнби*), *хъали* – *хъулле* «дома» (лит.– *хъулри*); б) форм 1л.ед. ч. от глаголов прошедшего времени на **-ун** звук **р** всегда ассимилируется в **н**: *беркун* «он съел» – *беркунна* «я съел» (лит.– беркунра), *укъа'н* «он ходил» – *укъа'нна* «я ходил» (лит.– вэкьунра).

В форманте генитива **-ла** сонант **л** (**лл, лил, нил**) перешел в спирант **в**, т.к. в результате редукции выпал слог **ли (ни)**, произошла неполная прогрессивная ассимиляция звука **л**: *т1ул* → *т1улла* → *т1уа* → *т1во* «пальца – р.п.», *ц1ули* → *ц1улила* → *ц1улиа* → *ц1вб* «зерна – р.п.», *гьуни* → *гьунила* → *гьуниа* → *гьвб* «дороги – р.п.».

1.5. Ударение в мугринском говоре. Даргинский литературный язык не относится к типу языков, где функционирует ударение. Но в языке имеются такие диалектные единицы, в которых отмечается ударение. В них ударение разноместное (свободное), но неподвижное. В мугринском говоре оно еле заметное и почти всегда падает на последний слог, кроме случаев соседства с усиленными согласными и в именах собственных, например, *дáхъхъал* «много», *в1ссес* «плакать», *Пáт1имат* – *Пат1имá*, *Рукъ1гет* – *Рукъийáт*. В редких случаях ударение играет и смыслоразличительную роль: *цацáли* «некоторые» – *цацáле* «по одному», *Сáби* (уменьш.имя от *Сáбият*) – *саб1и* (есть).

Во второй главе «**Морфологические особенности мугринского говора**» описываются особенности словоизменительных категорий и системы отглагольных образований говора, т.е. в специально выделенных параграфах рассматриваются особенности категорий грамматического класса, числа, падежа и всех категорий глагола, образующих систему глагольного словообразования.

2.1. Имя существительное. Имя существительное мугринского говора характеризуется категориями класса, числа, падежа, которые в оформлении и функционировании обнаруживают некоторые расхождения с аналогичными категориями литературного языка и других диалектных единиц.

2.1.1. Категория класса. Как и в литературном языке, в мугринском говоре все существительные относятся к пяти грамматическим классам. Три из них выявлены в сфере ед. числа и два – в сфере мн. числа (класс людей и класс не людей). **I** класс объединяет все обозначения разумных существ мужского пола, а также названия частей тела, содержащие показатель **I** кл.: *ада* «отец», *уста* «мастер», *малаик* «ангел», *вахI* «лицо (мужчины)». Ко **II** классу относятся все обозначения разумных существ женского пола, а также названия частей тела, если они содержат в структуре показатель **II** кл.: *аба* «мать», *рудзи* «сестра», *рыхI* «лицо (жен.)». В **III** класс входят названия всех неразумных существ, предметов, явлений действительности и названия частей тела животных: *кьвал* «корова», *хъали* «дом», *бяхI* «морда».

Исследуемый говор характеризуется пятью классными показателями, выражающими формы того или иного класса и отличающимися ед. число от мн.: **в-** – показатель **I** класса (*да'рхIа' вакIиб* «мальчик, сын пришел»), **р-** – показатель **II** класса (*рурсиракIиб* «девочка пришла»), **б-** – показатель **III** класса мн.ч. (*кьвал бакIиб* «корова пришла»), **б-** – показатель мн. числа людей (*да'хIне леб* «дети есть», *русбебакIиб* «девочки пришли»), **д/р-** – показатель мн. числа не людей (*урчелер* «кони есть», *кья'ледакIиб* «коровы пришли»). Как правило, классные форманты выявляются не в структуре имен существи-

тельных (за редким исключением), а в словах, согласующихся с ними – глаголах, прилагательных и т.д.

2.1. 2. Категория числа. Основная масса существительных говора имеет формы единственного и множественного чисел. Они составляют абсолютное большинство. К этой группе обычно относятся имена нарицательные, в основном, обозначающие конкретные существа и предметы: *унц – унце* (лит.– унц – унци) «бык – быки», *мурул – муъле* (лит.– мурул – муйли) «муж – мужья», *дезь – дугъбе* (лит.– дев – дугъби) «слово – слова». Существительных, не имеющих противопоставленных форм единственного и множественного чисел, сравнительно мало. Они образуют определенные семантические группы: имена, имеющие форму только ед.ч. (*анк1ала* «сон» (лит.– гъанк1), *къукъу* «гром» (лит.– къукъу)); имена, имеющие форму мн. ч. (*къугъне* «издевательства» (лит.– къугъни), *диг1янулте* «прятки» (лит.– диг1янулти)); имена, употребляемые в форме единственного числа для выражения как единственности, так и множественности (*маза бак1иб* «овца пришла», *маза дак1иб* «овцы пришли»); имена, стоящие в форме ед. ч. и требующие от согласуемых с ними слов формы мн. ч. (*шиндерджес* «воду выпить»). К ним относятся отвлеченные существительные говора (*гъвобзадеш* «мужество»), а также названия жидких тел (*х1и* «кровь»), сыпучих веществ (*дзе* «соль»), времен года (*эни* «зима»), болезней (*чахъа* «оспа») и т.д. Однако существительные, обозначающие совокупность однородных тел (злаки, ягоды и парные предметы) данной группы слов с помощью согласующихся слов могут выражать значение множественности объектов и единичного объекта: *улелъа* «земляника» (лит.– улелъа), *хъарг1а* «горох» (лит.– хъара). Также не употребляются во мн. числе и многие отглагольные имена, оканчивающиеся на **-ни, -ри**, например: *вак1ни* «приход» (лит.– вак1ни), *башри* «походка, ход» (лит.– башри).

Множественное число в говоре, как и в литературном языке, маркируется в основном тремя способами: аффиксацией (суффиксацией и префиксацией), аблаутом (апофонией, внутренней флексией), и тем и другим совмест-

но. Формантным выразителям множественности литературного языка **-и, -ни, -би, -ми, -ри, -ди, -тии** др.в говоре соответствуют суффиксы **-е, -не, -бе, -ме, -ре, -де, -те** и др., т.е., форманту множественности **-и** литературного языка в мугринском говоре соответствует **-е**. В образовании форм множественного числа даргинского языка Мусаев М.-С.М. различает четыре словоизменительных типа, обусловленных звуковыми процессами внутри слов. В говоре также обнаружены такие типы: **I тип** – хъу – хъуме (лит.– хъу – хъуми) «поле – поля» (форма ед. числа которых остается без изменения при образовании мн. числа); **II тип** – х1эка – х1экне (лит.– х1эка – х1экни) «шуба – шубы» (при образовании мн. числа в форме ед. числа выпадает тот или иной звук); **III тип** – х1еркъ – х1уркъбе (лит.– х1ерк1 – х1урк1би) «река – реки» (при образовании мн. ч.в исходной форме чередуются корневые звуки); **IV тип** – квони – кумме (лит.– кани – кунби) «живот – животы» (при образовании мн. числа в исходной основе отмечается чередование и выпадение звуков).

Суффиксы множественности литературного языка и мугринского говора, в основном, совпадают, но имеются некоторые отличия. В мугринском говоре **а)** вообще не функционирует суффикса **-ани**– ему соответствует другой суффикс или в нем детерминантной гласный **-а** замещается **-у**: бэх1 – ба'х1ре (лит.– бэх1ани) «лица», арц – арцуне (лит.– арцани) «деньги»; **б)** в суффиксах **-уби, -уни** выпадает детерминант **-у**:- кьаркъа – кьаркъбе (лит.– кьаркъуби) «камни», авруша – аврушне (лит.– аврушуни) «халвы»; **в)** в суффиксе **-руми** комплекс звуков **-ру** также выпадает: ула – улме (лит.– улруми) «ситечки»; **г)** при образовании мн.ч. широко представлена ассимиляция: к1ана – к1амме (лит.– к1ана – к1унби) «платки», г1а'рг1а' – г1а'нне (лит.– г1эрг1э – г1эрг1ни) «куры», т1ал – т1улле (лит.– т1ал – т1алани) «столбы»; **д)** при образовании мн. числа генонимов имеются существенные отличия: удзикъар – удзкъурбе (лит.– удзбикъурти) «двоюродные братья», кьариган (лит.– кьарган) – кьаригне (лит.– кьарганти) «троюродные»; **е)** в некоторых

случаях выпадают инлаутные или ауслаутные согласные звуки: *рурси – русбе* (лит.– рурси – рурсби) «девочки».

Кроме того, что формы мн. ч. существительных имеют много различных аффиксов, сама основа слова при этом тоже часто подвергается многочисленным фонетическим изменениям, например, при образовании оппозиционных форм мн. ч. наблюдается выпадение или аблаутное чередование гласных (в основном, **-а-**, **-я-**, **-и-**, **-е-** на гласный **-у-**). Но, анализируя собранный материал, мы пришли к выводу, что при образовании мн. ч. в литературном языке и мугринском говоре имеются определенные различия: в отличие от литературного языка, в исследуемом говоре в односложных именах существительных инлаутная гласная **-э** при аблауте, функционирующем при образовании форм мн. ч., замещается не гласным **-у-**, а чуть широким **а'**: *хъэр – хъа'рбе* (лит.– хъэр – хъэрби) «груши».

2.1.3. Категория падежа и типы склонения. Падежный состав и система склонения в мугринском говоре, как и в литературном языке, отличается сложностью. Следует отметить, что если в количестве и содержании типов склонения говора нет особых отличий от литературного языка, то в оформлении косвенных падежей говора таковые имеются: а) в комитативном форманте говора во всех типах склонения происходит лабиализация аффрикаты **ч** перед гласными заднего ряда: *адимличвал* (лит.– адамличил); б) в формантах тематива и инструменталиса, как и в формантах местных падежей, данная аффриката перед гласным переднего ряда **е** чередуется с глухим смычным **к**: *адимликелла, адимлике* (лит.– адамличила, адамличи); в) в форманте генитива у небольшой группы слов происходит лабиализация: *гъуни* «дорога» → *гъвѵ* (лит.– гъунила)

Заметные количественные и качественные расхождения имеются в составе серий местных падежей говора и литературного языка. В рассматриваемом говоре функционируют все серии локативов литературного языка, но в отличие от последнего, где наметилась тенденция к сокращению серий и их вариантов, в говоре они представлены сравнительно шире. Например, в гово-

ре функционирует конт-латив на **-чу**: *адачу* «к отцу» (лит.– адачи), но нет супер-латива на **-чи**. Он в говоре оформляется с помощью аффикса **-ке**: *уталике* «на стул», *шйке* «за водой» (лит.– уталичи, шинничи). Вместо конт-латива на **-г1и** (лит.– *ц1алиг1и* «рядом с огнем») в говоре, как и в цудахарском диалекте, функционирует конт-латив на **-ле**, (*ц1алē* «рядом с огнем», муралē «собирать сено»). Ин-лативу на **-х1и**, который в литературном сливается с интер-лативом на **-зи**, в говоре соответствует ин-латив на **-х1а**: мух1лилах1а «в рот» (лит.– мух1лилизи) и т.д. В говоре обнаружено около 10 разных аффиксов, соответствующих аффиксам лативов на **-чи**, **-ла** литературного языка и используемых в значении идти куда-нибудь, приближаться к чему-нибудь или подвергаться какому-либо действию. Примерно такую же картину обнаруживаем, рассматривая и другие серии местных падежей. К примеру, аллатив имеет 7 серий: на **-еб**, **-кеб**, **-чуб**, **-уб**, **-зеб**, **-х1аб**, **-эб**.

Сохранились в говоре и старые лативы на **-ли**: *кьаллиукьяс* «идти за травой», *урьэли* «за черемшой» (лит.– кьарличи, уриаличи); на **-ле**: арц1иле «убирать сорняки», *мурале* «собирать сено» (лит.– муралиг1и, арц1илиг1и); на **-а**: *низба* (низбе) «за крапивой», *дургба* (дургбе) «за мушмулой» (лит.– низбачи, дургбачи), на **-е**: *дурхье* (дерхь) «в сарай», *индзе* (инидз) «на родник» (лит.– дярхъла, г1инзи).

Словообразовательные же модели, характерные для литературного языка, в типологическом отношении повторяются в мугринском говоре, в морфологическом составе которого обнаруживаются аналогичные три типа существительных, свойственных для литературного языка: слова с непроемной основой (*х1еб* «весна» (лит.– х1еб), слова с производной основой (*джагь + деш* «молодость» (лит.– жагь + деш), сложные слова (*г1эх1 + баркь* «хороший поступок» (лит.– г1эх1 + баркь).

2. 2. Имя прилагательное и его образование. Принципиальные отличия прилагательных мугринского говора и литературного языка обнаруживаются в их суффиксальном оформлении, т.к. они выступают основными носителями своеобразия прилагательных исследуемого говора. Суффикс **-си** в

литературном языке является наиболее распространенным формантом прилагательного. С его помощью маркируются почти все оформленные прилагательные. Указанный суффикс в исследуемом говоре, в отличие от литературного языка, абсолютно не функционирует. Ему в мугринском говоре соответствует суффикс **-й**. Он, в основном, прибавляется к исходному гласному основы: *члумай* «крепкий» (лит.– *члумаси*), *бэглуй* «широкий» (лит.– *бэглуси*). К исходному же согласному основы прибавляется суффикс **-ил**: *джагьил* «молодой» (лит.– *жагьси*), *эхьил* «высокий» (лит.– *ахьси*). Если суффикс **-илв** даргинском литературном языке в большинстве случаев может быть эквивалентно соотносительным с суффиксом **-си** (*биштласи* – *биштлал*), то в мугринском говоре он действует наравне с суффиксом **-й** и эквивалентно нейтрален. В говоре встречаются также и единичные суффиксы: *глэхлна* «хороший» (лит.– *глэхлси*), *цлахгва* «некрасивый» (лит.– *цлахси*), *белк1ва* «пестрый» (лит.– *белк1а*), *будзхъа* «толстый» (лит.– *бабзси*).

В мугринском говоре также обнаружена форма сравнительной степени прилагательного. Она образуется путем прибавления суффикса **-гъуна** к любому прилагательному: *цлуба* «белый» – *цлубагъуна* «побелее», *виштлал* «маленький» – *виштлалгъуна* или *виштлалилгъуна* «меньший». Исследование языковых фактов выявило, что прилагательные мугринского говора также имеют два ряда форм – полные и краткие. Неоформленные или краткие прилагательные даргинского литературного языка, а также мугринского говора употребляются, как правило, в речи для выражения эмоциональных чувств говорящего, в функции постоянных эпитетов в народной поэзии.

2.3. Имя числительное. По своему значению все числительные говора, как и литературного языка, делятся на количественные, порядковые, собирательно-количественные, разделительные (распределительные). И образование их в литературном языке и мугринском говоре почти ничем не отличается. Мугринский счет, как вообще даргинский, следует десятичной системе. Все количественные числительные говора, за исключением *ца* «1» и *азир* «1000», образуются путем присоединения к основе суффикса **-л**, перед кото-

рым функционирует огласовочный суффикс – детерминант в виде варьирующегося гласного *-а-* или *-е-:к1вел* «2» (лит.– к1ел), *швал* «5» (лит.– шел), *урегал* «б» (лит.– урегал). Сложные числительные от 30 до 90 в говоре и в литературном языке образуются по десятичной системе путем сложения корней соответствующих простых числительных, корня количественного числительного *вец1ал* «10» (лит.– вец1ал)-**ц1-** и суффиксального комплекса **-а-ли:** *ав-ц1-а-ли* «40» (лит.– ав-ц1-а-ли), *х1эб-ц1-а-ли* «30» (лит.– х1эб-ц1-а-ли); от 200 до 900 – образуются путем сложения элементов простых числительных от 2 до 9 и числительного 100: *к1ви+дарш* «200» (лит.– к1и+дарш). Порядковые числительные тоже, как и в литературном языке, образуются при помощи двух параллельно функционирующих причастных форм *-эсил* и *ибил*. Только при образовании разделительных числительных имеется некоторое отличие: в литературном языке повторяется основа числительного в полной форме, с формативом, а в исследуемом говоре при образовании подобных числительных основа также повторяется, но вторая часть, как и первая, выступает в виде чистой основы, с усечением форманта: *к1ви-к1ви* «по два» (лит.– к1и-к1ел), *х1яб-х1яб* «по три» (лит.– х1яб-х1ябал).

2.4. Местоимение. В мугринском говоре нами обнаружены такие же разряды местоимений, как и в литературном языке. Несмотря на то, что по своим словоизменительным категориям и разрядам местоимение говора мало чем отличается от литературного, данная часть речи в говоре все же располагает определенными особенностями. Одним из них является формальное выражение личного местоимения первого лица ед.ч. в косвенных и местных падежах (кроме эрг. и дат.), ср.: *дичвол* «со мной» (лит.– набчил – комит.), *дикелла* «обо мне» (лит.– набчила – темат.), *дикебле* «из-за меня» (лит.– набчибли – медитат.), *дичу* «ко мне» (лит.– набчи – адит.), т.е. в мугринском говоре личное местоимение **ну** служит основой для образования только эргатива и датива, а **ду** – для образования всех остальных косвенных падежей. Другой особенностью говора является то, что указательные местоимения в ед.

и мн. числе и образованные от них наречия и прилагательные отличаются от литературного своим звуковым оформлением: *гъеш* «этот, находящийся рядом с говорящим» (лит.– иш); *гъел* «тот, находящийся рядом с собеседником» (лит.– ил). Они легли в основу образования целого ряда наречий, названные в даргиноведении наречиями дейктонимического происхождения: *гъейшах1а* «сюда», *гъейшах1аб* «тут, здесь», *гъейшад* «отсюда, с этой стороны» и т.д.

Вопросительные местоимения исследуемого говора также имеют некоторые звуковые отличия от литературного языка: *че?* «кто?» (лит.– чи?), *кудил?* «какой? который?» (лит.– чиди? чидил?), *гъини?* «кто? – эрг.» (лит.– чили?), *гъила?* «чья? – ген.» (лит.– чила?), *гъис?* «кому? – дат.» (лит.– чис?) и т.д.

2. 5. Глагол. Как и в литературном языке, глагол в говоре характеризуется развитой системой лексико-грамматических и словоизменительных категорий. Ему присущи категории класса, вида, наклонения, времени, лица, переходности-непереходности, числа. Большинство глаголов в зависимости от класса слова, с которыми они согласуются, принимает классный показатель, который может занимать анлаутное, инлаутное или ауслаутное положение (*вагъур*, *кавкиб*, *лев*). У классных глаголов форма мн.ч. образуется с помощью классных показателей. В исследуемом говоре, как и в литературном даргинском языке, образование форм несовершенного вида происходит несколькими путями: 1) чередованием гласных основы: *алхвес* «умереть» – *улхес* «умирать»; 2) появлением инфикса в форме несовершенного вида: *бицес* «продать» – *бирцес* «продавать»; 3) выпадением классного показателя в форме несовершенного вида: *битес* «избить» – *итес* «бить»; 4) чередованием гласных и выпадением или окаменением классного показателя: *берхъвес* «покрашивать» – *рурхъес* «красить».

Времена и наклонения глагола литературного языка и мугринского говора в плане содержания представляют собой единообразные системы, но инвентарь морфемных элементов, образующих формы указанных категорий, имеет свои особенности.

Инфинитив в говоре оформляется не только суффиксами *-ес, -эс*, как в литературном языке. В наличии имеется ещё один суффикс *-эс*: *бибх1эс* «потрусить дерево» (лит.– *бибх1ес*) (в урах.– *-ис*). Отрицательная форма образуется при помощи отрицательных частиц-приставок *x1a-* (*x1я-*), *ма-*(*мя-*, *ме-*): *x1ak1ub* «не пришел» (лит.– *x1ek1иб*) (в урах. – *ax1vak1иб*). В отличие от литературного языка, где неправильные глаголы *леб, к1еб, хеб, теб* не имеют отрицательные формы, в говоре такие формы имеются: *леб* «здесь имеется» – *лебаггу, к1еб* «имеется наверху» – *к1ебаггу*, которых можно перевести буквально «есть-нет» (*леб* «есть», *аггу* «нет»). В то же время, неклассной отрицательной форме глагола литературного языка *агара* «нет, отсутствует» в говоре соответствуют классные формы: *леваггу* «его нет», *лераггу* «ее нет», *лебаггу* «его, их нет». В говоре обнаруживаются не 4, как в литературном языке, а 6 типов спряжения, т.к. глаголы 3л. прошедшего времени сов.в. имеют суффиксы не только *-иб, -уб, -ун, -ур*, как в литературном языке, но и *-а'ни -эб*: *биг1а'н* «украл» (лит.– *биг1ун*), *бург1эб* «разбилось» (лит.– *бург1уб*)

В мугринском говоре, как и в литературном языке, выделяются такие наклонения, как желательное, повелительное, допускаемо-желательное, изъявительное, сослагательное, предположительное, условное, условно-предположительное, уступительное. Однако в формальном выражении некоторые из них в литературном языке и в исследуемом говоре различаются. Например, оформление повелительного наклонения части переходных глаголов в говоре, совпадает с литературным: *āc-a* «возьми» (лит.– *кас-а*), а другая часть переходных и все непереходные глаголы имеют аффикс *-е (-э), -э* вместо литературных *-и, -ен (-эн)*: *бат-е* «оставь» (лит.– *бат-и*), *белк1в-е* «напиши» (лит.– *белк1ен*), *āca-я* «возьмите» (лит.– *каса-я*), *адиза-я* «встаньте» (лит.– *айзира/айзи-рая*). Различаются также **1**) формы 1л. и 2л. допускаемо-желательного наклонения: *вак1ус* (лит.– *вак1ас*) «пусть я приду»; *вак1уд* (лит.– *вак1ад*) «пусть ты придешь»; **2**) формы 1л. и 2л. ед. и мн. ч. условного наклонения: *вак1усле* (лит.– *вак1асли*) «если приду», *дак1ах1але* (лит.–

дак1ах1елли) «если придем», *вак1удле*(лит.– вак1адли) «если придешь», *дак1удāле* (лит.– дак1адалли) «если придете»; **3)** многочисленные формы изъявительного наклонения в ед. и мн. числе: 2л. *вак1ади* – *дак1ада* (лит.– вак1ири – дак1ирая) – сов.в., 1л. *вашира* – *дашира* (лит.– вашаси – даших1ери)– несов. в., 3л. *вашиб* – *башиб*(лит.– ваши – баши) и др.; **4)** форма условно-предположительного наклонения 1л. ед.ч *вак1усē* «если бы я пришел» (лит.– вак1аслири); 1л. мн.ч. *дак1ах1арē* «если бы мы пришли» (лит.– дак1ах1елри) и сложная, образованная с помощью деепричастия *виаллири* (*риаллири*, *биаллири*), в говоре – *вēре* (*рēре*, *бēре*): 1л. *сабукилерūсе* (*ūсе*) – *сабукиле дāх1аре* «если бы я привела, привёл – привели» (лит.– кили риасри (виалри) – кили диах1елри), 2л. *сабукилерūде* (*ūде*) – *сабукиледūдаре* «если бы ты привела, привёл – привели»; **5)**форма сослагательного наклонения: х1у *г1ях1леузанūде*, *уч1ехъес вархъиире* «если бы ты хорошо работал, учиться бы отправили» (лит.– ункълиузусивиадри, х1у уч1ахъес урхъусири).

Система прошедших времен исследуемого говора, в основном, совпадает с системой литературного языка, кроме отмеченных уже суффиксов 3л., ноимеются и некоторые различия в оформлении личных окончаний

а) глаголов прошедшего совершенного времени 2л.ед. и мн.ч.: *буцади* (лит.– буцири) *буцада* (лит.– буцадая) «поймал – поймали»;

б) глаголов прошедшего несовершенного времени ед. и мн.ч.: 1л. *бурцира* – *бурцира* (лит.– бурцаси – бурцах1ери), 2л. *бурцади* – *бурцада* (лит.– бурцади – бурцадари), 3л. *бурциб* – *бурциб* (лит.– бурци – бурци) «ловил – ловили»;

в) глаголов условного прошедшего времени: 1л. ну *риссвōсе*(нуше *диссвōх1аре*), удзирависсанне «если я плакала (мы плакали), и брат плакал» (лит.– рисасри – дисах1елри);2л. х1у *риссвōде*(х1уше*диссвōдаре*), удзирависсанне «если ты плакала (вы плакали), и брат плакал» (лит.– рисадри– дисадалри).

Причастия в мугринском говоре оформляются с помощью аффиксов **-ан** (**и**) и **-ян** (**н**) от основ глаголовнесов. в.: *уч1ан да'рх1а' иткъера уч1ар*

«мальчик, который желает учиться, и так будет учиться» (лит.– *учIуциуршииткъира учIар*), -ил от основ глаголов сов. в.: *вакIибиладим* «пришедший человек» (лит.– *вакIибси* адам). При образовании деепричастий совершенного вида от глаголов прошедшего времени на -ур, -ун исходные согласные звуки основы глаголов лабиализуются и появляются долгие гласные: *кайсун* «лег» → *кайсунли* → *кайсвō* «легши» (лит.– *кайхъи*), *айзур* «встал» → *айзурли* → *айзулле* → *айзвā* «встав» (лит.– *айзурли*).

Каузативная форма в литературном языке образуется при помощи суффикса -ахъ- (-яхъ-), в урахинском диалекте – -ихъ (-яхъ), а в говоре – -ехъ- (-яхъ-): *буцехъес* «заставить держать» (лит.– *буцахъес*), *бяхъяхъяс* «заставить ударить» (лит.– *бяхъяхъес*)

2. 6. Наречие. В образовании и семантике наречий в исследуемом говоре и литературном языке особые отличия не обнаружены, кроме постоянного соответствия литературного исходного «и» и «е» в говоре: *бархъле* «прямо» (лит.– *бархъли*), *эхIалле* «дорого, с любовью» (лит.– *ахIерли*) и т.д.

2. 7. Служебные части речи и междометие. В функционировании и семантике служебных частей речи и междометий в мугринском говоре и литературном языке, кроме различий фонетического характера, отмеченных ранее, особых отличий не обнаружено.

В заключении диссертации подводятся итоги и суммируются общие выводы проведенного исследования.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, включенных в перечень ВАК РФ:

1. К вопросу о геминированных и лабиализованных фонемах мугринского говора даргинского языка // Вестник университета Российской академии образования № 2. Москва: 2011 С.66 – 68.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

2. Система местных падежей мугринского говора // Вопросы кавказского языкознания. Выпуск № 3. Махачкала: ДГУ, 2010 С.102 - 105

3. К вопросу о вокализме мугринского говора// Вопросы кавказского языкознания. Выпуск № 4. Махачкала: ДГУ, 2011 С.110 - 112

4. Классификация топонимических единиц мугринского говора даргинского языка// Вопросы кавказского языкознания. Выпуск № 5. Махачкала: ДГУ, 2011С. 98 – 100.

5 Образование форм множественного числа имен существительных в мугринском говоре// Вопросы типологии русского и дагестанских языков. Махачкала, 2011. С. 45-50.

6. Особенности образования имен прилагательных мугринского говора даргинского языка //Материалы международной научно-практической конференции «Современные тенденции: новый взгляд». Тамбов, 2011. С.67-71.